

— В ту ночь, когда мы только приехали в Кайфын, мы спросили дорогу и наткнулись на Чжан Шаньчу, — начал Тань Чжифэн рассказывать полуправду о той ночи. — Конечно, я не знал, что в тот день он собирался броситься в реку, или, вернее, что кто-то собирался его столкнуть. Затем, прямо у входа в этот Переулок Пшеничной Соломы, мы снова встретили тебя. Ты был ранен и в полубессознательном состоянии. Но мы видели, как кто-то на коне пытался тебя сбить, к счастью, ты увернулся.

— Вот оно что, — Сюй Гань слегка прищурился, словно что-то припоминая. — Мне казалось, что в ту ночь со мной что-то произошло, но я никак не мог вспомнить, что именно.

— Наверное, ты только что закончил состязание по цзюэди и был не в лучшей форме, — сказал Тань Чжифэн, стараясь выглядеть спокойным. Обсуждение этого случая с Сюй Ганем вдруг прояснило ему некоторые моменты. Тогда Бо не знал о способностях Сюй Ганя, поэтому не решился напасть на него в открытую и даже не показался.

Теперь же Бо снова сразился с Сюй Ганем, хоть в теле Сюй Ганя в тот момент был он сам, но... не сделает ли это Бо более осведомлённым о Сюй Гане, а положение Сюй Ганя — более опасным...

Пока Тань Чжифэн размышлял, Чжань Чжао заговорил:

— Сюй Гань, видишь, Чжифэн верит тебе, и я верю тебе. Сейчас все, кто был связан с «Отверженным горным отшельником», мертвы. Мне нужно как можно скорее узнать, собирался ли ты в тот день идти на мост Лунцзинь, чтобы встретиться с Чжан Шаньчу?

— Кто тебе это сказал? — переспросил Сюй Гань.

Чжань Чжао достал из рукава маленький клочок бумаги, тот самый, что он нашёл в ту ночь, когда Бо натравил на Сюй Ганя жёлтую змею.

Сюй Гань бросил бумажку на стол:

— Я знаю только, что этот Чжан Шаньчу расспрашивал меня о делах в кузнице, но так и не сказал, зачем. Я не скрывал намеренно. Когда ты допытывался у меня о том, где я был в ту ночь, я действительно ничего не помнил и мог сказать только правду. А ты не спрашивал меня ни о каком Отверженном горном отшельнике. Зачем мне было самому напрашиваться на неприятности и рассказывать тебе об этом?!

Сюй Гань встал:

— Защитник Чжань, это всё, что я знаю.

Сказав это, он в последний раз взглянул на Тань Чжифэна, который, опустив голову, смотрел на свою чашку. Он повернулся и направился к выходу. У двери он вдруг остановился и добавил:

— Чжан Шаньчу был хорошим и умным человеком. Защитник Чжань, на вашем месте я бы поискал, не оставил ли он чего-нибудь полезного.

Тань Чжифэн обернулся и увидел лишь исчезающую в дверях спину Сюй Ганя. Чжань Чжао устало вздохнул, поднял чашку, чтобы выпить, и вдруг заметил, что на этот раз молочная пенка на чае приняла форму милого круглого зверька с длинным хвостом и пухлыми крылышками, который, казалось, уютно устроился на мягком облаке.

Тяжёлое настроение Чжань Чжао немного рассеялось, и он улыбнулся Тань Чжифэну:

— Чжифэн, это... что это?

Тань Чжифэн всё ещё смотрел на дверь, где тихо висела плотная занавеска. Сюй Ганя уже и след простыл. Он повернулся к Чжань Чжао и улыбнулся:

— Это божественный дракон из легенд моего родного края. Он принесёт тебе удачу.

Сюй Гань ушёл. Тань Чжифэн сел напротив Чжань Чжао, и они вместе пили чай. В присутствии Чжань Чжао Тань Чжифэн чувствовал себя не так скованно, как с Сюй Ганем, а Чжань Чжао ничего от него не скрывал, и они естественно заговорили о деле.

Чжань Чжао вздохнул:

— Сюй Гань прав. Даже если мы докопаемся до истины, как будет решено дело и как будут развиваться события на северо-западе, в конечном счёте зависит от мнения чиновников при дворе и воли императора. В нашей Великой Сун установлен порядок, при котором гражданские чины ценятся выше военных, из-за чего мы часто терпим поражения в войнах. Раньше мы вместе с Западным Ся противостояли Северной Ляо, а теперь Западное Ся взбунтовалось. Этот Ли Юаньхао — жестокий и воинственный тиран. После того как он одержал победу в битве при Саньчуанькоу, он точно не успокоится. Жаль только жителей пограничья и солдат.

Тань Чжифэн мало что понимал в этом и мог лишь утешить его:

— Защитник Чжань, не переживайте так. При дворе всегда есть честные чиновники, и решение всегда найдётся.

Чжань Чжао увидел, что глаза Тань Чжифэна ясны и светлы, полны доверия к нему, и на душе у него стало легче. Он снова собрался с духом и сказал Тань Чжифэну:

— Как бы то ни было, сейчас нужно разобраться во всех деталях этого дела и найти истину. Чжифэн, как ты думаешь, Сюй Гань знает что-то ещё?

Тань Чжифэн ответил:

— Хотя характер у Сюй Ганя... э-э... немного скверный, он не из тех, кто не отличает добро от зла. Всё, что он знал, он, скорее всего, рассказал. Кстати, что он сказал только что?

— Он сказал, что Чжан Шаньчу расспрашивал его о делах в кузнице, но он не знает, был ли Чжан Шаньчу на самом деле Отверженным горным отшельником, — сказал Чжань Чжао.

— Нет-нет, не это. Он в конце сказал... «Чжан Шаньчу был умным человеком, не мог ли он что-нибудь оставить?» Верно? — продолжал спрашивать Тань Чжифэн.

— Верно, — сказал Чжань Чжао. — Но мы обыскали всю его келью, и ничего не нашли. Ты же знаешь историю Чжан Шаньчу, он был очень беден. Только несколько вещей, кисти, тушь, бумага, чернильница. Мы даже его рукописей не видели...

Тань Чжифэн посмотрел на Чжань Чжао, а Чжань Чжао — на Тань Чжифэна, и оба осознали один факт: если смерть Чжан Шаньчу не была случайностью, то где же рукописи его повестей?

— Невозможно, чтобы не нашлось ни одного листка бумаги, — пробормотал Чжань Чжао. — К тому же, он не закончил свою повесть «Продавец масла». Чжифэн, как ты думаешь, он её

закончил?

— Этого я, право, не могу угадать, — покачал головой Тань Чжифэн и полушутя добавил: — Я бы хотел, чтобы он её закончил, тогда у И-и было бы хотя бы одним сожалением меньше.

— А ещё та книга «Кузнец Ван», в конце обещали дополнительную главу, — сказал И-и, который вместе с остальными вышел, когда Сюй Гань ушёл, всё ещё немного напуганный. — Эту-то он должен был написать. Сейчас неизвестно, сколько людей с нетерпением ждут. Если бы не знали, где он живёт, давно бы уже завалили его гневными письмами!

— Какую дополнительную главу? — удивлённо спросил Чжань Чжао. — И-и, ты хочешь сказать, что книга о кузнеце Ване тоже не закончена?

— Верно, возможно, это как раз... — он не договорил. Тань Чжифэн и Чжань Чжао замерли, а затем Чжань Чжао тихо произнёс: — Местонахождение тех двух солдат и, возможно, других бежавших с северо-запада!

— Те... те два солдата, скорее всего, мертвы, — голос Тань Чжифэна дрожал от волнения. — Ведь старик Чжан умер? Возможно, разбойники из Западного Ся убили и их. Но они не получили от них то, что искали.

Тань Чжифэн продолжил:

— Возможно, они догадались об отношениях старика Чжана и Чжан Шаньчу, а может, и нет. Но в любом случае, Чжан Шаньчу винил себя, потому что, написав об этом в книге, он обрёк на смерть своего отца и, возможно, других жителей своей деревни.

— А я думаю, — Чжань Чжао внимательно выслушал Тань Чжифэна, допил свой чай и сказал, — что они не знали об отношениях старика Чжана и Чжан Шаньчу. В той деревне большинство жителей носили фамилию Чжан. Возможно, они подумали, что это просто односельчане, о которых Чжан Шаньчу случайно услышал. Итак, Чжифэн, скажи, что ещё они могли не знать?

— Ой, да о чём вы вообще говорите? Не могли бы вы сразу всё рассказать, а не намекать друг другу?! — нетерпеливо воскликнула Чжочжо. — Защитник Чжань, вы же ищете то, что оставил Чжан Шаньчу? Вы уверены, что всё обыскали, и его келью, и дом в его родной деревне?

Чжань Чжао и Тань Чжифэн уже пришли к общему мнению, а остальные трое напряжённо ждали. Взгляд Тань Чжифэна скользнул мимо них к узкому входу в погреб.

— Он не знал, что Чжан Шаньчу хорошо знаком с этой лавкой, — тихо сказал Тань Чжифэн. — Потому что только здесь он мог видиться со своим отцом. Говорят, Чжан Шаньчу часто приходил сюда покупать масляные лепёшки... Возможно, он делал вид, что не знает старика Чжана, но тот всё равно с радостью его принимал и всегда, когда было мало народу, пёк несколько лепёшек, ожидая сына, который, может быть, придёт его навестить.

Тань Чжифэн встал, на его лице появилась лёгкая улыбка. Чашка чая перед ним остыла, и маленький пухлый дракончик внутри изменил форму, став немного смешным. Он поднял чашку и отпил немного. Остывший чай был терпким и горьким.

— Чжочжо, когда ты складывала капусту в погреб, ты не заметила, где-нибудь земля была рыхлой? — спросил Тань Чжифэн.

— Где это? Вся земля промёрзла, — ответила Чжочжо. — Зачем спрашиваешь? Сейчас всё

завалено капустой, ты же не заставишь меня её снова вытаскивать?!

— Ты действительно хочешь, чтобы я её вытащила?! Я не буду, иди сам! — сказала Чжочжо, встретившись взглядом с Тань Чжифэном. — ...Если идти, то вместе!

— Не стоит беспокоить госпожу Чжочжо, — Чжань Чжао только хотел расстегнуть свою форму, как у входа послышались шаги гостей.

— Я приду вечером, — Чжань Чжао подмигнул Тань Чжифэну и вышел.

* * *

Тань Чжифэн смотрел на узкий вход в погреб, чувствуя одновременно и волнение, и возбуждение. К сожалению, гости один за другим входили в трактир, и ему приходилось делать вид, что ничего не произошло, и продолжать работать как обычно. Раньше во времена династии Сун простые люди в основном ели дважды в день, но в эту эпоху, да ещё и в таком удобном и богатом месте, как Кайфын, люди жили в достатке, и большинство семей перешли на трёхразовое питание.

Учёные, усердно занимавшиеся до поздней ночи, к полудню были уже голодны и приходили в трактир Тань Чжифэна пообедать вдвоём или втроём. Тань Чжифэн не хотел портить свою репутацию и поспешил приготовить обеденные блюда.

Такой хороший продукт, как баранина, нельзя было тратить зря. Утром Тань Чжифэн готовил пельмени на пару, а оставшееся мясо вместе с купленными И-и бараньими костями он тушил в большом котле. Сейчас по всему маленькому трактиру разносился восхитительный аромат. И-и также узнал, что хотя баранина и дорогая, оставшиеся после разделки бараньи ножки стоят очень дёшево. Он купил их целую кучу, и Тань Чжифэн заранее их замариновал. Теперь они пропитались вкусом и как раз подходили для того, чтобы подать их гостям в качестве закуски.

Тань Чжифэн приготовил лапшу по тому же рецепту, что и утром для Сюй Ганя, только на этот раз он не добавлял кунжут, а лапша была толще и эластичнее. Когда её сварят, в каждую миску добавят несколько тонко нарезанных, хрустящих и сочных ломтиков белой редьки, зальют тушёной бараниной с бульоном — этого должно быть достаточно, чтобы зарядить гостей энергией на оставшуюся половину дня.

<http://bllate.org/book/14942/1323818>